

ЗЛАТА
Романова

**НЕЖЕЛАННАЯ
ЖЕНА**

16+

Злата Романова

Нежеланная жена

Серия «Кавказские истории», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68030273

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда-то я презирала его и смотрела свысока, в лицо называя нищевродом, а теперь сама оказалась на самом дне, работая бесправной прислугой в его доме. У Мурада есть жена и ребенок, но мне удастся убедить его помочь мне, взяв второй женой, чтобы спасти от брака с тем, кого выбрал мой деспотичный отец. Но разве я могла предположить, что после смерти своей жены, Мурад потребует от меня стать его настоящей женой, а не фиктивной, как мы договаривались изначально?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Злата Романова

Нежеланная жена

Пролог

– Я хочу перевезти вас в Москву, – объявляет Мурад.

– Зачем?

– Затем, что ты моя жена, – четко проговаривает он. – Пора уже начать вести нормальную семейную жизнь.

– Ты имеешь в виду, пора уже переезжать в твою спальню? – смело спрашиваю я.

Прошли те времена, когда я могла позволить себе быть скромной. С Мурадом либо прямо, либо никак. Я уже уяснила это на опыте прошлых лет.

– И это тоже, – нагло заявляет он. – Я и так слишком долго ждал.

Я истерически смеюсь, потому что в моей душе сейчас царит всепоглощающий ужас и страх. За маму, за малыша, за свое будущее. Но выдать их перед этим мужчиной слишком унижительно.

Перед моим мужем.

Какое чуждое понятие. Ведь он ненастоящий – фиктивный, как мы оба договорились с самого начала. А теперь,

вдруг, Мурад решил нарушить эту договоренность.

– Ты не можешь ставить мне такие условия, – говорю решительно, хотя в голосе проскальзывает предательская дрожь. – Я никогда не соглашалась на настоящий брак. Мы чужие друг другу.

– Не ты ли совсем недавно заявляла, что мы семья? – глумится он.

– Моя семья – это мама и Амир. Ты мне никто, Мурад. Муж на бумаге и только.

– Это *моя* мать и *мой* сын, Самира, – с металлом в голосе чеканит он, морозя меня ледяным взглядом. – Если мы разведемся, они не будут иметь к тебе никакого отношения.

– Мать и сын, которых ты навещал раз в год! Да я им большая семья, чем ты когда– либо был!

– Не утрируй, – отмахивается от меня Мурад. – Суть в том, что ты или принимаешь мои условия, или убираешься из моего дома.

– Никогда! Я скорее буду побираться, чем стану тебе настоящей женой!

– Отлично, – гадко усмехается он. – На это я и надеялся. Если бы не просьба мамы, я бы тебе и шанса не дал. Или ты думала, что я, вдруг, вспылал к тебе страстью, принцесса доморощенная? Можешь паковать вещички, скоро в эту семью войдет новая невестка. Я и так был слишком добр, позволяя тебе жить здесь, учитывая наше прошлое.

– Вот и найди! Я не настоящая жена, так что забудь о моем

существовании, как делал это до сих пор! Женись и уезжай в Москву с той, кто этого хочет, а мы продолжим жить так, как жили.

Он язвительно смеется и меня передергивает от этого звука.

– Ты действительно думаешь, что я позволю тебе воспитывать своего сына, когда у него может появиться настоящая мать?

– Он считает меня своей матерью.

– Пока он слишком мал, это недоразумение можно исправить. Его матерью будет лишь моя жена, Самира. А тебя он забудет.

– Мама не позволит... – отчаянно цепляюсь за соломинку.

– Мама может общаться с тобой, если захочет, но ты больше не будешь с нами жить. Я не собираюсь всю жизнь провести монахом рядом с самовлюбленной девицей только ради того, чтобы у моего сына была мать. Я найду более достойную женщину на эту роль.

– Но никто не будет любить его так, как я... – Мой голос осекается, когда предательская слеза бежит по щеке. Я резко вытираю ее, злясь на саму себя за эту слабость перед ним, но к моему удивлению, лед на лице этого монстра разбивается, являя наружу вполне человеческое выражение.

– Поэтому я и предложил тебе сохранить наш брак, – говорит Мурад. – Я готов смириться с твоим характером ради сына. Тебе всего лишь нужно выполнять свои супружеские

обязанности, и кроме того... Я хочу еще детей, Самира. Мой сын заслуживает узнать, каково это – иметь поддержку брата или сестры. Я совершил ошибку, оставив его на чужую опеку и хочу исправить ее, пока не стало слишком поздно и он не вырос с вечно отсутствующим отцом. Тебе решать, хочешь ли ты принимать в этом участие.

– Это шантаж, – все еще не веря, качаю головой.

Мужчина недовольно поджимает губы, глядя на меня, как на дурочку.

– Это предложение, причем очень щедрое, Самира. Я – тот, кто проигрывает в этой сделке. В конце концов, именно я – тот мужчина, унижать которого тебе доставляло такое удовольствие. Это не дает мне причин желать тебя в жены, но я всегда был добр к тебе. И хотя таким, как ты, никогда этого не понять, а мне еще жить с тобой всю жизнь, зная, что ничего хорошего, кроме привязанности к моей семье, в тебе нет, я все равно готов пойти на этот шаг. Решай теперь, чего ты хочешь от жизни.

Глава 1

Несколько лет назад

– Давай, поезжай быстрее, я опаздываю! – говорю я таксисту, захлопывая за собой дверь машины.

– И тебе доброе утро, Самира, – хмыкает он, заводя мотор. – Какую лекцию ты решила прочитать мне на этот раз?

– П– ф– ф... Больно надо! Просто решила дать тебе возможность заработать, раз уж у вас с Лялей сегодня свидание. Не хочу, чтобы моя любимая кузина осталась голодной.

Мурад напрягается, но не отвечает на оскорбление. Молча ведет машину, делая вид, что я обычная клиентка, с которой не нужно разговаривать.

– Ты же говорил, что не будешь принимать заказ от моего адреса, чтобы не нарываться на меня, – подначиваю его я.

Мурад прав, я действительно вызвала машину, чтобы в очередной раз попытаться повлиять на него. Не могу упустить случая заставить его включить голову и понять, что он Ляле не пара. Я, конечно, верю, что он действительно любит ее и не в корысти дело, в конце концов, ее семья по сравнению с моей имеет всего лишь средний достаток, но он– то совсем нищеврод! К тому же, единственный кормилец в семье, состоящей из смертельно больного брата– инвалида и просто больной матери. По– человечески мне их жалко, но я

не могу позволить своей кузине и лучшей подруге испортить свою жизнь, выйдя замуж в эту семью. Они просто отравят ее существование, а любовью, как известно, сыт не будешь.

– Лейла ночевала у вас вчера, я думал, это она вызвала такси, – уточняет Мурад, бросая на меня взгляд в зеркало заднего вида. – Не думал, что придется везти саму госпожу Самиру.

– Хорошо, что ты понимаешь разницу в нашем социальном статусе, Мурад. Я действительно госпожа по сравнению с такими, как ты, так что меня это звание не задевает. Жаль только, что, когда дело касается Ляли, это уже не работает. А я ведь хотела познакомить ее с одним из приятелей моего жениха. Он человек нашего круга и друзья у него – все достойные мужчины с высшим образованием и высокооплачиваемой работой.

«Не то, что у тебя» – повисает между нами очевидная мысль.

– Образование у меня есть, а чтобы устроиться на высокооплачиваемую работу нужны связи, как ты знаешь. Но не волнуйся, Ляля знает, сколько я зарабатываю и что могу себе позволить. Если ее это устраивает, то почему ты вечно пытаешься встрять со своим, вне всякого сомнения, авторитетным мнением? – пытаюсь хотя бы в голосе сохранять вежливость, спрашивает Мурад, но по его стиснутой челюсти я вижу, что он едва держится.

– Потому что не для того ее растили, чтобы она станови-

лась женой нищebroда! – откровенно заявляю я.

Мурад багровеет от гнева и резко сворачивает к обочине, останавливая машину с громким визгом шин.

– Пошла вон! – выплевывает он, вцепившись в руль до побелевших костяшек.

– Да как ты смеешь! Я клиент.

– Вон, Самира, или я тебя просто сам выкину! – оборачиваясь, цедит мужчина, и выражение его лица настолько пугающее, что я проглатываю гордость и нащупав ручку, почти выпадаю из машины, спеша ее покинуть.

Он уезжает, оставив меня на половине пути до салона красоты, в который я реально опаздываю, и я клянусь настроить ему самый плохой отзыв, который только смогу придумать, как только поймаю другую машину.

В тот день я впервые назвала Мурада Хайдарова нищebroдом в лицо, хотя в разговорах с Лейлой всегда именно так его и именовала, показывая этим все свое презрение к ее выбору. Тогда я еще не знала, что этот нищebroд запомнил. Что это было одним из самых унижительных моментов в его жизни. Что с тех пор он возненавидел меня настолько, что стал ассоциировать даже не с человеком, а с каким– то паразитом, у которого нет чувств, кроме эгоизма и который не заслуживает по отношению к себе ничего, кроме презрения.

Ирония судьбы заключается в том, что своего я все же добилась. Моя душевная подруга Ляля не стала женой этого

недостойного ее таксиста. Нет, она вышла замуж за моего жениха Тимура. Мужчину, красивее которого я никогда в своей жизни не встречала. Достойного, умного и богатого. Который любил меня до одури и которого, несмотря на дальнейшие мои поступки, я тоже, по— своему, любила. Не так сильно, как себя, как свою семью, но любила. Однако, между ним и своей умирающей матерью я выбрала ее, сбежав за несколько дней до свадьбы, так как он не хотел меня отпускать к ней, а бедняжке Ляле пришлось меня заменить в роли невесты, чтобы спасти от позора нашу семью.

Это событие повлекло за собой слишком много последствий, чтобы я могла без горечи вспоминать об этом. И главным образом, привело меня к тому месту, в котором я сейчас нахожусь – месту сиделки при больной матери того самого нищелюба, с которым мы по ужаснейшему стечению обстоятельств, поменялись ролями.

Пожалуй, его почетное звание, которое с таким высокомерием срывалось с моего языка, теперь перешло мне. Потому что я больше не та Самира, которой была когда– то. У меня нет денег, нет семьи и нет будущего. Я никто. Жалкая, отчаявшаяся девушка, которую просто пожалели и из милости взяли в дом. И даже эта милость исходит не от Мурада, а от его жены и матери, которые чудом уговорили его дать мне шанс. Ниже упасть в моем положении уже просто невозможно.

– Мира, что ты там копаешься? – поторапливает меня мачеха, пока я сижу в примерочной, тупо глядя в зеркало на себя в свадебном платье, которое должна была снять еще десять минут назад.

Платье красивое и очень идет мне. Не такое роскошное и дорогое, как на первой моей несостоявшейся свадьбе, но все равно шикарное. Я, наверное, буду прекрасной невестой. Настолько прекрасной, чтобы мой жених забыл о некоторых моих проступках в прошлом. Таких, как бегство из дома перед свадьбой с уважаемым в обществе человеком, и проживание одной, без надзора семьи, в другой стране. Развращенной Европе, как они выражаются.

Мой отец даже закрыл глаза на то, что новый жених по возрасту ближе к нему, чем ко мне. Или на то, что быть мне второй женой, а не первой и единственной. Главное, что вообще нашелся человек, готовый жениться на мне – вчерашней беглянке с подмоченной репутацией.

Даже мои родные считают, что я прожигала жизнь во Франции, забыв о чести и достоинстве. Мачеха вчера посоветовала притвориться невинной в первую брачную ночь. Не говорить же этой злой мегере, что я и так невинна! Все равно не поверит.

– Мира, мы опаздываем! – снова подает она голос, требовательно стуча в дверь.

– Я почти все! – кричу в ответ, и стряхнув с себя неуместную тоску, принимаюсь стягивать тяжелое платье, которое

ранее предусмотрительно расстегнула на спине девушка-консультант.

Я ведь уже все решила. Если снова не хочу лишиться всей своей родни и семьи, мне придется выйти замуж за этого старого развратника, которому захотелось молодого тела. Я выдержу это. Смирюсь как-нибудь. Переживала намного худшее, так что справлюсь.

Убеждаю себя в этом снова и снова, пока мы выбираем свадебный букет, делаем маникюр и ужинаем вечером дома. Я даже засыпаю спокойно и меня не мучают кошмары прошлого, в которых я снова наблюдаю за своей умирающей матерью, зная, что чуда не случится и все равно до последнего надеясь в него. Ненавижу эти сны! Даже больше, чем своего жениха, которого, по иронии судьбы, тоже зовут Тимур. Как того, первого, которого я хоть и бросила, но хотя бы любила.

Проснувшись утром, я четко понимаю, что все же не смогу. Решимость исчезла. Привязанность к семье победил мой эгоизм. Поэтому, позавтракав, я звоню своей новой подруге Луизе и прошу ее о помощи. Мне срочно необходимо бежать от этого брака, пока я окончательно не испортила себе жизнь.

– Ты точно справишься? – скептически спрашивает меня Луиза, когда мы встречаемся в кофейне в тот же день.

Понимаю ее недоверие. Мы с Луизой вместе учились в школе, но я тогда была избалованной папиной принцессой, а

она серой мышкой— сиротой, без гроша за душой. Мы с ней подружились относительно недавно, случайно вновь встретившись на свадьбе знакомых. Луиза теперь жена Мурада Хайдарова, который за время моего отсутствия на родине, поднялся и стал богатеньким буратино. Даже думать об этом больно, тьфу!

— Я клянусь, это все правда! — убеждаю ее. — Я и капельницы умею ставить, и уколы. По дому все умею делать, и готовлю даже самые сложные блюда! У твоей свекрови не будет никаких забот, если она согласится взять меня к себе.

— Свекровь— то согласится, надо только Мурада уговорить, — морщится Луиза. — Ты ведь знаешь, что он хочет оставить меня здесь, ухаживать за ней, а сам уехать в Москву. Я заикалась уже о сиделке, но он и слышать не хочет, поэтому приходится хитрить. Я расскажу сначала свекрови о твоём сложном положении и попрошу разрешения пустить тебя пожить, пока не встанешь на ноги. А там, ты уже включишься, начнешь ухаживать и за ней, и за домом, а когда вы подружитесь, идею о том, чтобы тебе остаться насовсем, можно будет протолкнуть сначала ей, а она уже потом справится со своим сыном. Меня— то он не слушает.

— А если я не понравлюсь твоей свекрови? — резонно спрашиваю я.

— Понравишься, если не будешь вести себя, как стерва. Она очень добрая, правда! И жалостливая. Просто не ленись и не груби, тогда все у вас прекрасно сложится.

– Это я могу, – уверяю ее. – Спасибо тебе, Луиза! Ты не представляешь в каком я отчаянии!

– Мы просто поможем друг другу, – улыбается подруга, ободряюще сжимая мою руку. – Я сегодня же поговорю с ней, обещаю!

Глава 2

– Ты в своем уме?! – на полном серьезе спрашиваю я жену. – Какое нам дело до того, что эта девушка не хочет выходить замуж? Пусть сама разбирается со своей родней!

– Она не может, Мурад! Ты ведь знаешь, кто ее отец, – заламывает руки Луиза.

Уж я– то, знаю. Слишком хорошо знаю. Видит Бог, я презираю весь их род, во главе с отцом Самире Анваром, который железной рукой руководит не только своей семьей, но также и семьями своих братьев и сестер.

– Мне нет до этого дела! – отрезаю бескомпромиссно. – Я не хочу видеть эту девушку в своем доме.

– Но она моя единственная подруга, Мурад! – продолжает давить Луиза, сложив руки на выпирающем из– за беременности животе и явно подчеркивая, что в ее положении я не должен ее расстраивать. – Пожалуйста, ей необходима помощь!

– Если бы ты была на ее месте, она и пальцем не пошевельнула ради тебя. Я прекрасно знаю, что представляет из себя Самира. Ты выбрала не того человека для дружбы.

– Ты просто предвзят, потому что не любишь их семью, – обвиняет меня жена. – Мама, скажи ему! Я клянусь, Самира хорошая! Вы сами это поймете, когда познакомитесь с ней.

Мама, которая до этого не вмешивалась в спор, смотрит

на меня с укором. Черт, я слишком хорошо знаю этот взгляд! Она уже сдалась.

– Я уже знаком с ней, если помнишь, – говорю ей. – Такие люди не меняются.

– Давай дадим ей шанс, – мягко говорит мама. – С нас ведь не убудет, правда? Девочка погостит несколько дней, пока не найдет работу и жилье. Она нас не стеснит.

Я сжимаю зубы, понимая, что бесполезно говорить о том, что дело не в стесненности, а в том, что я не хочу видеть рядом со своей семьей эту ядовитую змею.

Самира – не обычная девушка, как и с плохими, так и с хорошими чертами характера. Она – зло во плоти. Эгоистичная, высокомерная и безжалостная. И когда он раскроет свой рот, из которого льются одни оскорбления, в сторону моей семьи, я, не церемонясь, выкину ее на улицу. А пока, придется смириться с желанием моей сердобольной матери пригреть эту бедную сиротку. Луиза знала, на что давить, когда рассказывала о том, как Самира потеряла больную мать, за которой ухаживала последние пару лет. Мама тут же сравнила ее с собой, ведь она всю взрослую жизнь моего брата-инвалида провела, ухаживая за ним, пока он не умер три года назад.

– Хорошо, приводи ее, – вздыхаю, пытаюсь обуздать свою ярость. – Но имей в виду, что как только она начнет вести себя по-хамски, я тут же укажу ей на дверь.

– Она будет лапочкой, вот увидишь! – довольно улыбается

Луиза. – Ты не пожалеешь об этом.

Очень в этом сомневаюсь.

Чертова лицемерка очаровала маму! Стоило ей появиться на пороге нашего дома, как она начала вести себя, словно всегда здесь жила. Учитывая, что живем мы в небольшом одноэтажном доме советских времен, доставшимся маме от ее родни, я ожидал, что привыкшая ко дворцу Самира тут же начнет кривить рот и выказывать свою брезгливость, но нет. Актриса оказалась хороша. Даже не спросила, почему я не куплю матери жилье получше, раз уж больше не являюсь нищепродом. Такие неуместные вопросы вполне в ее духе.

– У вас такой уютный дом, – улыбается вместо этого лицемерка, разглядывая зал.

– Это дом моего детства, – говорит мама. – Места маловато, но я не хочу переезжать. В моем возрасте хочется лишь тепла и уюта, а не всей этой роскоши, которую так любит молодежь.

– Наш дом тоже уютный, – обижается Луиза, имея в виду трехэтажный особняк, который мы только закончили строить на соседней улице. – Если бы ты хоть немного пожила там, то поняла бы.

– Зачем мне одной такой огромный дом, раз вы с Мурадом все равно живете в Москве? – снова начинает привычный спор мама.

– Но мы ведь приезжаем в гости, мама! И вместо того до-

ма, живем здесь, с тобой. Когда появится малыш, у него даже своей детской здесь не будет.

– Луиза, хватит! – одергиваю ее.

Меня злит ее твердолобость в этом отношении. Так и хочется рывкнуть, что она сама всю жизнь прожила в таком же доме, не имея отдельной комнаты. Я и представить не мог, что в моей будущей жене столько спеси и самолюбия, когда женился на ней. Она была бедной сиротой без перспектив даже пойти учиться после школы и о ней все отзывались, как о тихой и скромной девушке. Конечно, по сравнению с Самирой, моя жена – золото. Она хозяйственная, добрая и умная, но иногда в ней проскальзывает снобизм, который меня бесит. Правильно все же говорят, что деньги портят человека. Я и сам далеко не ангел, но взглядов свысока не выношу.

– Пойду, поставлю чайник, – обиженно бурчит Луиза, выходя из комнаты, потому что знает, что ссоры при посторонних я не потерплю.

Мама пользуется этим, чтобы сесть поближе к Самире.

– Дорогая, ты уверена в том, что делаешь? – глядя ей в глаза, внимательно спрашивает она. – Ты действительно не пожалеешь о том, что ушла из дома?

Я тоже внимательно наблюдаю за девушкой, но она остается совершенно бесстрастной.

– Это было тщательно обдуманное решение, тетя. Правда.

– Тогда, наш дом открыт для тебя. Это все твои вещи? – переводит тему мама, указывая на дорожную сумку, которую

та притащила с собой.

– Да, я взяла лишь самое необходимое. Боюсь, вещи из моего приданого не подойдут для простой жизни, которую я буду вести вне своей семьи. Мой отец политик и мне постоянно приходилось участвовать в общественных мероприятиях, а также поддерживать начинания других жен и дочерей. Честно говоря, я отвыкла от светской жизни за те годы, которые провела за границей, и безумно устала от всего этого.

– Слабо верится, – не могу сдержатъ скептицизм и впервые с момента своего прихода, Самира переводит на меня взгляд своих темных глаз.

– Мурад! – смущенно одергивает меня мать.

– Все в порядке, – слабо улыбается Самира, все еще глядя на меня. – В прошлом я оставила о себе не лучшее впечатление, но с тех пор я повзрослела. Тем не менее, я понимаю, что сказанного не вернешь и хорошее отношение к себе заработать не так легко. Я постараюсь как можно скорее найти себе работу и не стеснять вас своим присутствием.

Она всегда умела хорошо говорить. Прирожденный политик, как и ее отец. Однако, меня этой вежливой фальшью не обманешь. Я вижу ее насквозь и вижу, что она хочет понравиться маме, исподтишка следит за ее реакцией. Но волноваться мне не о чем, мама хоть и добрая душа, но она далеко не глупая женщина и проницательности ей хватит, чтобы разгадать эту гадюку.

– Тебя никто не гонит, оставайся, сколько необходимо, – говорю снисходительно, потому что это уже решенный вопрос и от моего возмущения вряд ли что–нибудь изменится.

Воспользовавшись тем, что женщины идут на кухню пить чай, я отказываюсь и выхожу из дома на задний двор. Там есть небольшой сад и беседка, в которой я могу поговорить в уединении. Рабочие вопросы никто не отменял, тем более, что я только начал налаживать бизнес в Москве.

Я с облегчением выдыхаю, когда Мурад уходит, оставив нас, женщин, одних. Честно говоря, мое новое место обитания удивило меня, потому что Луиза показывала мне их новый роскошный особняк и я никак не ожидала, что мать Мурада будет тесниться в таком старомодном и маленьком домике. Конечно, это далеко не лачуга. Дом по– своему действительно уютный, везде чисто, мебель хорошая, техника на кухне современная, а во дворе разбиты клумбы с цветами, за которыми явно нужен частый уход и занимается этим скорее всего не Луиза, а ее свекровь.

Если честно, она тоже удивляет. Подруга говорила, что свекровь часто болеет, у нее куча хронических болячек и иногда она даже с постели не встает. Я мысленно представляла себе немощную старушку, не знаю даже почему, но тетька, как она попросила себя называть, оказалась женщиной лет шестидесяти, маленькой и худенькой, но вполне здоровой и бодрой на первый взгляд.

– Какую работу ты ищешь? – прямо спрашивает она меня за чаем с пирожными.

– У меня нет оконченного образования. Я начинала учиться во Франции, но скоро болезнь мамы начала прогрессировать и мне пришлось бросить, потому что она больше не могла работать. Я была уборщицей, но здесь заниматься этим не хочу. Платят гроши. Устроюсь продавцом или официанткой, пока буду учиться на мед. сестру. Нужные навыки у меня есть, так что имея на руках бумагу об окончании курсов, я смогу устроиться сиделкой.

Конечно, я совершенно не хочу быть чьей–нибудь сиделкой или мед. сестрой, но тете Разие об этом знать необязательно. Главное, подвести ее к мысли о том, что я могу быть полезнее, чем ничего не умеющая невестка, которую сын хочет оставить при ней и которая сама явно этого не жаждет.

Однако, тетя меня удивляет. Она задает вопрос о моей матери, к которому я совершенно не готова.

– Луиза говорила, что твои родители развелись, когда ты была ребенком. Ты ведь не виделась с ней несколько лет, да?

– Да, – отвечаю односложно, потому что не хочу рассказывать о своей семье такие личные подробности.

– И ты все равно бросила своего жениха, свою семью, и поехала к ней. Ты жалеешь об этом, Мира? Учítывая, в какую ситуацию ты сегодня попала из–за того поступка.

– Мама, что ты такое...

– Иди к Мураду, Луиза, – обрывает ее на полуслове све-

кровь, не давая вмешаться, и к моему ужасу, подруга ее слушается, послав мне извиняющийся взгляд и оставляя нас наедине.

Тетя Разия смотрит на меня пронизательным взглядом и все внутри бьет тревогу. Она не так проста и явно хочет устроить мне допрос, чтобы понять, чего от меня ожидать.

– Иногда жалею, – откровенно отвечаю я, понимая, что ложь она почувствует, а моя судьба сейчас в ее руках. – Я бы хотела запомнить ее такой, как в детстве – красивой и счастливой. Я бы хотела, чтобы у меня был выбор выйти замуж и создать семью с мужчиной, который нравился бы мне, а не моему отцу. Тогда моя жизнь была бы совершенно другой. Может, я даже сама стала бы матерью к этому времени. Но с другой стороны, я на всю жизнь осталась бы мучиться мыслью, что так и не увидела больше маму вживую. Что она умерла одинокая и несчастная, оставленная на чужих людей, забытая собственной дочерью. Поэтому, можно сказать, что чаще всего я об этом не жалею. Мама была единственным человеком, которого я любила больше, чем себя. Не могу сказать то же самое об отце, учитывая, сколько раз он предпочитал мне других людей.

Я не откровенничаю с другими людьми. Никогда. Ляля – единственная, кто знает обо мне все. Не только о моих поступках, но и мыслях. Не знаю, как этой женщине удалось, но за считанные минуты она довела меня до словесного поноса одним своим взглядом. Я замолкаю, чувствую себя неловко

от того, что настолько открылась, и украдкой вытираю слезу со щеки. Черт возьми, нашла время расклеиваться!

– Замуж ты можешь выйти в любой момент, – снова удивляет меня тетя, резко переводя тему. – Если только не ждешь принца– миллионера. Ты молода и красива, Мира. И то, что ты не поддалась давлению и не позволила насильно выдать себя замуж говорит в твою пользу.

Она намекает на Лялю. Ну, конечно! Мурад был в серьезных отношениях с моей кузиной и она уже считала ее своей невесткой. А Ляля поддавалась давлению семьи и вышла замуж за моего жениха, когда я сбежала с первой свадьбы. Неужели, тетя все еще зла на нее за это? Хотя, я могу ее понять, учитывая, что и сам Мурад несколько лет не мог смириться с тем, что Лейла его бросила, и, даже предлагал ей развестись с мужем и выйти за него. Все это Ляля рассказала мне совсем недавно, в приступе внезапной откровенности, когда я поделилась с ней своими мыслями насчет нового жениха. Но, конечно, это было до его свадьбы с Луизой. Теперь– то Мурад наверняка счастлив, скоро даже отцом станет.

– Я всегда была слишком своевольна, если верить моему отцу, – неловко отшучиваюсь я, гадая, что еще хочет из меня вытянуть эта женщина.

– Язык хорошо подвешен, – кивает тетя Разия. – Нужное качество для женщины в нашем мире, но также нужно и уметь вовремя держать его за зубами. Я понимаю, почему

мой сын не любит тебя, он у меня шовинист.

Эта внезапная вспышка юмора заставляет меня шокировано уставиться на нее, пока она улыбается уголками губ.

– Расслабься, дорогая, я не инквизитор. Думаю, вдвоем нам будет веселее, потому что за месяц ты на съем жилья денег точно не заработаешь. Пока будешь честной и трудолюбивой, можешь жить в моем доме. Ленивых людей я не выношу, как и лживых. Что касается остального, то я на удивление терпима. Спать будешь в зале, на диване, пока дети не уедут в Москву. Они занимают сейчас вторую спальню. За продукты платить не нужно, мы не бедствуем, но по дому придется работать, чтобы поддерживать чистоту и уют. Устраивают тебя такие условия?

– Конечно, – быстро соглашаюсь я. – Спасибо вам большое! Я буду стараться изо всех сил, чтобы не слишком обременять вас.

– Ну, вот и договорились. Пойдем, покажу тебе, куда можно положить вещи. У меня в шкафу много свободного места, потому что у Луизы все забито и она даже половину вещей не забирает с собой, когда уезжает. Конечно, Мурад настаивает, чтобы на этот раз она осталась жить со мной, но я этого не допущу. Они же молодая семья, что за муж оставляет жену присматривать за матерью, а сам живет отдельно? С твоим появлением и повод появился, чтобы отправить их вместе. Он у меня такой упрямец...

И вот так, я каким– то чудом, остаюсь жить в доме женщи-

ны, которая впоследствии станет для меня самой любимой и родной. А ведь я поначалу побаивалась ее, из-за разговора, который произошел у нас в первый день. Но, как оказалось, тетя действительно многое умеет прощать и со многим может мириться. Луиза не обманула, ее свекровь действительно добрейшей души человек.

Глава 3

Несколько месяцев спустя

– Тетя, ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

– Ох, перестань уже Мира! – раздражается она. – Сколько раз говорить, что я в порядке? Голова совсем не кружится, так что в постельном режиме я не нуждаюсь.

– Полежи хотя бы, пока они не приедут, – настаиваю я. – Еще два часа осталось.

– Ни в коем случае! Я хочу, чтобы голубцы были готовы к их приезду. Мурад так их любит.

Я скептически смотрю на ее тщедушную фигурку, еще больше похудевшую после болезни, зорко наблюдая, не пошатнется ли она, но тетя твердо шагает в сторону кухни.

– Я готовлю их ничуть не хуже, так что голодными они не останутся, – привожу новый довод, идя вслед за ней.

– Нет, ты не понимаешь, – вздыхает тетя Разия. – Он заметит, что готовила не я. Это его любимое блюдо, так что ты меня не переубедишь. Все, иди лучше в магазин. Я прекрасно себя чувствую, мне не нужна нянька над душой.

Как бы не так! Тетя Разия болела последние две недели. Мы прокапали курс капельниц и ей еще выписали кучу лекарств, и, хотя самочувствие от этого улучшилось, но не настолько, чтобы она стояла над плитой. Вот только разве эту упрямую женщину переубедишь? С момента моего переез-

да, Мурад с Луизой впервые приезжают домой из Москвы, к тому же с новорожденным сыном, и она словно летает от счастья, в ожидании скорой встречи, желая приготовить са-молично все, что любит ее сыночек.

– Ни в какой магазин я не пойду, пока ты тут одна и не в постели, – отказываюсь я. – Вот как они приедут, тогда и оставлю тебя на них.

– Ну почему ты такая упрямая?! – качает головой тетя, доставая из холодильника фарш, который я заранее разморозила.

Я ставлю кастрюлю для капусты на плиту и наблюдаю, как она выбирает специи.

– Если мое упрямство побеждало твое, ты была бы в больнице. Вот скажи мне честно: почему ты так равнодушно относишься к своему здоровью? А твой обожаемый сын? Засел в этой Москве и знать не знает, какие у его матери проблемы!

– Так Мира, ругайся на меня сколько хочешь, но Мурада не трогай! – начинает кипятиться тетя. – Он мне не надзиратель и знает ровно столько, сколько я ему говорю. Если бы мог, он жил здесь, со мной, но у него работа. Знаешь, как много он раньше трудился за сущие гроши? Какое право я имею мешать успеху своего сына, тем более, что я сама предпочла остаться на родине, когда он хотел забрать меня с собой? Вот стану совсем немощной – тогда и буду жить с ним, а пока, я еще на своих двоих и в здравом уме, так что в няньках не нуждаюсь!

«А кто тогда я?» – хочется съязвить мне, но я вовремя прикусываю язык.

Промываю рис и подаю ей, пока она занимается фаршем. Видит Бог, тетя напугала меня до полусмерти! Я знала, что она не совсем здорова, но за те месяцы, что мы вместе прожили, она вполне хорошо себя чувствовала, а тут неожиданно слегла. Мне пришлось чуть ли не силком тащить ее в клинику, потому что она настаивала, что просто отлежится и ей станет лучше, а когда ей назначили серьезное лечение, наотрез отказалась от госпитализации. И даже запретила мне говорить Мураду и Луизе, что она больна, неразумная женщина!

Сейчас, когда ей значительно полегчало, страх ее потерять пошел на убыль, но до чего же она бесит, пытаюсь начать уже делать что– то по дому! На что я, спрашивается?

– Перестань дуться! – требует на мое молчание тетя. – Иди в магазин, я говорю. Хочешь, чтобы тебя уволили? Восемь утра уже! Ты и так на две недели отпуск брала.

– Меня уволили, – бурчу я, доставая капусту. – Я собиралась сегодня по собеседованиям пройтись, но раз ты тут решила стать шеф– поваром, я, пожалуй, отложу это дело, потому что за тобой глаз да глаз нужен.

– Как уволили?! – потрясенно оседает на стул тетя. – Почему?

Вот блин! Надо было промолчать.

– Я повздорила с менеджером, – лгу, не глядя ей в глаза. –

Ты же знаешь, меня иногда заносит.

Тетя молчит, внимательно глядя на меня, пока я не начинаю нервничать. У этой женщины взгляд словно сканер. Попробуй только солги.

– Тебе не дали отпуск, да? – наконец, вздыхает она. – И ты все равно осталась дома, ухаживать за мной.

– Это была не такая уж важная работа, – пожимаю плечами. – Продавцы везде нужны, так что я быстро найду другую. Не волнуйся зря.

– Эх, Мира, Мира... Ты должна была мне сказать!

– И что, ты тогда легла бы в больницу? – приподнимаю бровь.

– Может и легла бы! – злится тетя. – Но точно не позволила бы тебе уйти с работы. Ты же на повышение шла!

– Ох, перестань уже! Подумаешь, большое дело. Еще раз, значит, пойду. Учитывая, что я деньги трачу только на личные нужды, а живу и ем здесь бесплатно, то ничего страшного не произошло. Хватит драматизировать.

– Безрассудная девчонка! – продолжает ругаться тетя Ракия. – Ты меня до могилы доведешь! Эх, нет на тебя ремня, Самира!

– Взрослая я уже для ремня, – обнимая ее сзади за плечи, подмазываюсь я. – Но если тебе от этого станет легче, то папа в детстве меня порол, если я плохо себя вела. Как видишь, не помогло. Я все еще поступаю так, как сама считаю нужным.

– Ты слишком своевольная, себе же во вред, – ворчит те-

тя, шлепая меня по обнимающей ее руке. – Вот найду тебе строгого мужа, который спуску не даст, будешь знать!

– Снова ты об этом, – стону я. – Не нужен мне никакой муж, я едва от одного замужества сбежала. Сколько можно меня сватать? Я чуть со стыда не сгорела, когда ты начала этот разговор при той своей подруге. Нельзя так открыто предлагать девушку, еще подумают, что я отчаялась!

– Так тебе уже двадцать четыре, время– то идет!

– Это мое время и меня все устраивает. Все, закрыли эту тему! Теперь до отъезда Мурада буду дома сидеть, потому что знаю я тебя. Дай тебе волю – начнешь с утра до ночи на кухне готовить, чтобы откормить этого своего большого ребенка. Он сам уже отец, а ты никак не перестанешь с ним нянчиться. Вот увижу, что не бережешь себя – все ему выскажу, так и знай!

– Он– то в чем виноват? – смеется тетя. – По– моему, ты просто ревнуешь.

– И ничего я не ревную! Я, между прочим, давно не ребенок и веду себя по– взрослому, в отличие от него.

– Ну– ну, – не верит мне она, лишь больше выводя из себя.

Этот грубиян еще не приехал, а уже усложнил мне жизнь! Хоть одно утешение – я увижу Луизу и ее малыша, видео и фото которого мы с тетей пересмотрели уже сотню раз. Ради них я как– нибудь примирюсь с присутствием ворчуна Хайдарова, но пусть только посмеет хоть слово мне сказать! Я в долгу не останусь.

Я не могу оторвать от него взгляд. Смотрю, залипнув, и не могу поверить, что можно быть таким красивым. Все— таки, фото не передает всего очарования этого малыша.

— Ему точно месяц? — спрашиваю у Луизы, глядя пухлую ладошку ее сыночка.

Мои младшие братья по отцу были очень мелкими и тощими в таком возрасте.

— Точно, почему все об этом спрашивают? — смеется она. — Да, Амир крупный ребенок, но ты бы видела, какой у меня был большой живот! Мурад все время дразнил, что я вот— вот лопну.

— Оба моих сына были такими же крупными, — смеется тетя Разия, держащая внука на руках. — Ох, и сложно они мне дались. Зато в роддоме мы были самые красивые. До чего же он похож на Мурада, Луиза, ну просто одно лицо!

Я не могу не согласиться. Тетя показывала мне свой фотоальбом, где было много фотографий ее сыновей в раннем возрасте и Амир действительно похож на своего отца, когда тот был мелким.

— Я все еще чувствую себя обделенной, — дуется Луиза. — Но будь он девочкой, было бы еще обиднее. Уж дочка— то должна быть похожа на маму!

— У тебя еще будут дочки, похожие на тебя, дай— то Бог! — улыбается тетя, как и я, не в силах оторвать взгляд от малыша.

Он дремлет у нее на руках, совершенно спокойный и не реагирующий на наши разговоры. Мурад с Луизой приехали лишь полчаса назад, но усадив их за стол, мы с тетей сразу же ушли в гостиную, где спал Амир, чтобы, наконец, вживую посмотреть на него, а Луиза вскоре к нам присоединилась.

– Ну вот, приехал внук и о сыне можно забыть, – притворно вздыхает Мурад, заходя и садясь на кресло.

Он смотрит на мать и в его глазах столько нежности, что я невольно смягчаюсь, хотя была полна решимости отчитать его за то, что он совсем забросил ее.

– Между прочим, ради этого сына тетя сегодня все утро провела на кухне, – не могу все же удержаться от язвительного комментария, но тетя дергает меня за руку, прежде чем я успеваю добавить, что при ее состоянии это вредно.

– Могла бы и помочь, раз уж все равно дома сидишь, – не остается он в долгу, переводя неприязненный взгляд на меня.

– Мурад, Мира! Не вздумайте мне тут пререкаться, понятно? – строго осекает нас тетя. – Честное слово, как дети малые!

– Прости, тетя, ты же знаешь, почему я не сдержалась, – с намеком говорю ей, и она дарит мне грозный взгляд, от которого хочется поежиться.

– У тебя что– то случилось? – спрашивает Луиза.

– Да нет, ничего, просто Мира разволновалась утром, потому что много дел, а ей нужно было на работу, – отвечает за

меня тетя Разия. – Она не хотела оставлять все на меня, вот и взяла выходной. Мира очень хорошо обо мне заботится.

Скептическое выражение лица Мурада после этого замечания вызывает желание вмазать ему. Какой же он ужасно твердолобый и предубежденный человек! Смотрит на меня, как на букашку, хотя тетя при каждом телефонном разговоре ему рассказывает, как у нас дела, какую помощь я ей оказываю. Вот только этот вечно недоверчивый взгляд задевает за живое, потому что он словно не может себе представить, что я способна на что– то хорошее. Целью моей жизни не является выглядеть доброй в глазах людей, но его отношение задевает, потому что из нас двоих, именно я – та, кто находится рядом с его матерью в трудные минуты.

Я больше ничего не говорю, решив держать язык за зубами, и просто слушаю, как другие делятся новостями. В доме сразу же становится тесно, что сильнее всего заметно ночью, когда все собираются ложиться спать. В отсутствие семьи тети, я занимала вторую спальню, но сейчас, когда они приехали, снова перекочевала на диван в гостиной. Так как выход из спальни Мурада ведет как раз в эту гостиную, то мне приходится ложиться в платье, ведь не могу же я сверкать пижамой, когда он в любой момент ночью может выйти в туалет или на кухню, проходя мимо меня. Все– таки, чужой мужчина, это неприлично, в конце– то концов!

Заворачиваюсь в одеяло и лежу, уставившись в потолок. Все же, несмотря на такие неудобства с размещением, я ра-

да, что они приехали. Моя самая лучшая подруга, моя дорогая Ляля, тоже живет в Москве с мужем. Я уже несколько месяцев не видела ее и очень скучаю. Кроме нее, есть только Луиза, и то, что хотя бы она приехала, тем более вместе с малышом, очень радует. Я уже привязалась к нему, как к родному племяннику. Вообще, вся эта семья, кроме Мурада, конечно, стала мне родной за короткий срок и только благодаря поддержке тети и дружбе Луизы я держусь, потому что, вспоминая о собственной семье, которая окончательно оборвала со мной все связи, хочется просто закрыть глаза и никогда не просыпаться.

Папа даже не позвонил мне. Я отправила ему сообщение с причиной того, почему снова решила на побег, но он не ответил. Не попытался вернуть меня домой, не послал людей на поиски. Просто проигнорировал этот факт. А потом позвонила Ляля, требуя рассказать ей, что случилось, потому что мой отец неожиданно заявил всем родным, что я его снова опозорила и на этот раз мне нет прощения. Он запретил всем со мной контактировать или помогать, но Лялю, это, конечно не остановило. Мы с ней часто общаемся, она даже присылает мне деньги, которые тут же отправляются обратно, потому что пока я могу себя содержать, я не хочу быть еще больше обязанной ей. Мне достаточно того, что хотя бы она не отказалась от меня.

Глава 4

– Мир, ты ведь справишься с ним? – в который раз спрашивает Луиза, глядя на малыша, которого я держу на руках.

– Да что с ним справляться, он только ест да спит, – смеюсь я. – Иди уже. Тем более, что его папаша скоро будет дома.

После этих слов Луиза смотрит на меня, как на дурочку.

– Если ты надеешься на Мурада, то не стоит. Он типичный мужик, который не считает нужным уметь кормить или переодевать ребенка. Только берет, чтобы приласкать, и все. Был таков, – говорит она.

– Я почему – то не удивлена, – хмыкаю с презрением. – Ну все, уходи. Я не в первый раз сижу с ребенком, не бойся ты так. Мы с Амирчиком очень хорошо проведем время, да пельмеш?

Пельмеш не реагирует, потому что ему всего месяц отроду и он в принципе пока не очень активный человечек. Зато спокойный, если держать его сытым.

После ухода Луизы с тетей, которых пригласили в гости, я несу маленького пельмешка в спальню тети, чтобы не занимать комнату Мурада, если он вернется, и кладу на середину кровати.

– До чего же ты хорошенький, пухляш! Сладенький мой

ребеночек...

Целую Амира в белые щечки, а он в ответ смотрит на меня большими темными глазками и сонно моргает. Дождаться не могу, когда он немного подрастет и станет более подвижным! Малыш засыпает сам по себе, мне даже укачивать его не приходится, так что я решаю заняться поиском вакансий в интернете.

Не проходит и получаса, как я слышу шум в гостиной и иду туда, чтобы проверить, кто пришел. И конечно, это Мурад вернулся. Сидит в кресле и разговаривает по телефону. Он делает мне знак не уходить и, я терпеливо жду, пока он закончит свой явно рабочий разговор. Тот словно забывает о моем присутствии, копаясь в своем ноутбуке и одновременно разговаривая, пока я терпеливо жду, прислонившись плечом к косяку. Начинаю невольно рассматривать мужчину, подмечая, что он подстриг свои каштановые волосы покороче и теперь его лицо еще более четко очерчено, демонстрируя острые углы скул и квадратный подбородок с пробивающейся на нем темной щетиной. Ему идет.

– Мама сказала, что они едут к тете Заре, – обращает на меня внимание Мурад, наконец, откладывая телефон. – Я дико голоден. Накормишь?

– Суп на плите, приятного аппетита! – говорю ему, разворачиваясь, чтобы уйти.

– Ну что ты вредничаешь? – останавливает меня его недовольный голос.

– В смысле? – не понимаю я. – Я приготовила суп, иди и ешь. В чем твоя проблема?

– А подать его ты не хочешь? – язвительно спрашивает он.

– А– а– а, ну ясное дело. Ты один из этих, да? – тяжело вздыхаю.

– Из каких «этих»? – с угрозой в голосе спрашивает он, вставая на ноги и делая несколько шагов вперед.

Конечно, Мурад высокий и спортивный, но я почему– то знаю, что физическую угрозу он не представляет, поэтому спокойно реагирую на вспышку мужской агрессии.

– Из шовинистов, – говорю, как есть. – На столе в хлебнице есть нарезанный хлеб, овощная нарезка, специи, тебе всего– то нужно взять тарелку и налить себе готовый суп, но ты и этого не можешь сделать, считая, что женщина должна прислуживать тебе за столом, потому что ты мужчина, так?

– Нет, не так, – с каменным лицом говорит Мурад. – Дело не в шовинизме, Мира, а в том, что у нас так принято. Или твой отец в вашем доме тоже сам наливал себе суп?

– Нет, не наливал, – признаю нехотя. – Ему тоже прислуживала жена или я. Но в том– то и дело, что тебе я никто, и я не обязана обслуживать тебя, как какая– то домработница! Если голоден – ешь. Дело твое.

– А кто ты тогда? – задает он вопрос, который ставит меня в тупик.

Дыхание прерывается, а кровь приливает к лицу. Так вот кто я в его глазах? Домработница?

– Я не слуга вам! – почти рычу на него, сжимая руки в кулаки.

– Твои слова, не мои, – пожимает он плечами с самодовольным видом. – Хотя... Нет, конечно, ты не слуга. Мы ведь тебе не платим. Ты просто девушка, которая убирается и готовит за крышу над головой. Как таких называют?

– Да пошел ты!

Разворачиваюсь и бегу обратно в спальню тети, чтобы он не увидел моих слез. Никогда в жизни меня так не унижали! И кто? Какой– то выскочка, который и ногтя моего не стоит!

Хватит! Это не моя жизнь. До чего я дошла, если позволяю так с собой обращаться? Я не какая– то там дурочка без роду и племени, которая будет терпеть унижения ради крыши над головой! У меня есть гордость и я не позволю втапывать себя в грязь. Сегодня же соберу вещи и уйду! За месяцы работы в магазине у меня скопилось достаточно денег, чтобы снять небольшую квартирку, потому что я не тратила ни одной лишней копейки, отказывая себе даже в шоппинге. Не зря, как оказалось.

Достаю сумку, с которой приехала в этот дом, и складываю в нее свои вещи, которые все еще хранятся у тети в шкафу. Хотя я жила в спальне Мурада и Луизы, но уезжая, они оставили большую часть вещей здесь, поэтому я продолжала хранить свою одежду в полупустом шкафу тети и это сейчас значительно облегчило мне задачу.

Собираться я заканчиваю уже через десять минут. Оста-

лось лишь дожидаться прихода тети, чтобы попрощаться, а пока, ложусь на кровать рядом с сопящим Амиром и беру его за крохотную ручку, утешая себя этим прикосновением к невинному ребенку, голова которого пока еще не забита тупыми понятиями его тупого папочки.

Стоит Самире уйти, как я тут же чувствую укол вины. А все из- за выражения ее глаз, в которых застыли слезы унижения.

Когда я стал таким? Опускать кого- то и намеренно нажимать на больные точки не в моих правилах. Однако, именно эта девушка всегда заставляет меня забыть о человечности, когда дело касается ее.

Я уважаю женщин. Меня самого вырастила женщина, причем без помощи мужчины, потому что отец умер очень молодым. Я знаю, что моя мать далеко не глупа и, если она за несколько месяцев жизни с Самирой сумела полюбить ее, значит, что- то в ней есть. Проблема в том, что я этого не вижу.

Смотрю и не вижу в ней ничего, что заставило бы меня относиться к ней лучше. Она такая же заносчивая и самовлюбленная, какой была всегда. Да, маму она уважает, с Луизой дружит, но в каждом ее слове и взгляде я вижу ее суть и она мне не нравится. Красивая пустышка – вот кем является Самира.

Хотя, красота тоже на любителя. В ее внешности нет неж-

ности и беззащитной женственности. Меня никогда не привлекала такая открытая сексуальность в женщинах, а лицо Самиры так и кричит об этом. Раскосые знойные глаза, пухлые губы, острый подбородок и скулы. Не говоря уже о невыносимом самолюбовании. Понятия не имею, как она сумела подружиться с Луизой, учитывая, какая та ревнивая.

Аппетит пропал, поэтому я не иду есть, а снова возвращаюсь к работе. Есть люди, которые стоят выше меня и перед которыми я отчитываюсь, иначе я не был бы сейчас там, где нахожусь. Ничто не дается просто так таким, как я, и тем более богатство. Поэтому, даже в роли хозяина компании, которой фактически не владею, я не могу позволить себе роскошь не вспоминать о делах во время отпуска. Иногда бывают случаи, когда мое участие необходимо, и сегодня один из них.

Я настолько ухожу в работу, что в себя меня приводит лишь громкий плач Амира. Неужели мама с Луизой вернулись?

– Сейчас, малыш, потерпи две минуточки, – разбавляет детский плач голос Самиры, которая появляется из спальни мамы с моим сыном на руках и несет его на кухню, полностью игнорируя мое присутствие.

Я иду за ними, не желая верить в то, что Луиза оставила нашего ребенка с этой девушкой. Она с ума сошла?!

Самира на кухне одной рукой готовит смесь для малыша, второй пытаюсь его укачать. Я подхожу к ним и не говоря ни

слова, забираю сына, прижимая его к своему плечу. Конечно же, мелкий обжора не перестает от этого плакать, по опыту знаю, что его может заставить умолкнуть лишь еда, но так я хотя бы спокоен, что она его не уронит.

– Все– все, пельмеш, подожди секундочку, – продолжает приговаривать Самира, тряся бутылочку со смесью, чтобы растворить ее, после чего протягивает мне руки, прося отдать ей ребенка.

– Идем, – качаю головой, направляясь в спальню, чтобы положить его в кроватку. Так безопаснее.

Самира идет за мной и когда Амир уложен, сразу же сует ему в рот смесь, глядя на меня недовольным взглядом через плечо.

– Здесь неудобно кормить, разве так сложно было отдать его мне?

– Откуда я знаю, что ты его не уронишь? Поверить не могу, что Луиза оставила ребенка с тобой! Чем она вообще думала?

– Я, между прочим, не безрукая, и прекрасно умею обращаться с детьми! – возмущается Самира. – Можешь идти, уж с кормлением как–нибудь справлюсь. Надзиратель тут никому не нужен.

Она стоит, перегнувшись через высокий бортик кроватки, и я со смятением понимаю, что из–за ее позы, платье очень четко обрисовывает филейную часть девушки, на которой, я, как мужчина, на секунду задерживаю взгляд на чистом ав-

томатизме. Черт! Это же Самира, практически бесполое существо для меня! Какое мне дело до ее задницы?

Собираюсь уже уйти, когда понимаю, что платье— то на ней другое. Дома она носит одежду попроще, чаще какие— то длинные балахоны, а сейчас явно нарядилась. Еще и волосы распущены, пышным карамельным облаком обрамляя лицо.

— Ты что, решила куда— то выйти с моим сыном? — не могу сдержатъ злости от ее самоуправства.

— Нет. А даже если бы и решила, то что? — с вызовом спрашивает она.

— Я не доверю тебе ребенка, ты безответственная, вот что! Самира оборачивается и смотрит на меня сверкающими от ненависти глазами, недовольно поджав губы.

— Мне плевать на твое мнение, потому что ты твердолобый и самодовольный кретин, Мурад!

— Следи за языком! — предупреждаю ее, потому что это уже второй раз за день, когда она проявляет неуважение.

— Не буду! Мне язык дан, чтобы говорить все, что захочу. Неприятно слышать правду? А придется! Я очень уважаю тетю Разию, но терпеть несправедливые нападки от ее сына не намерена. Сегодня же уйду из вашего дома, уже и вещи собрала, так что успокойся и выдохни. Не оставь Луиза со мной малыша, то уже ушла бы, но я не могу доверить его тебе, пока они не вернуться.

— Я его отец! Кто ты такая, чтобы доверять мне его?

— Отец, который не может сам себя накормить, — с прене-

брежением фыркает надменная выскочка. – Да он с тобой ни еды не получит, ни чистого подгузника! Ты просто незрелый шовинистский мужлан, с которым собственного ребенка нельзя оставить. Я видела, что на кухне ни одной грязной тарелки. Из– за того, что я отказалась тебе прислуживать, ты даже не поел. Ждешь, пока мамочка придет и накормит тебя?

Вот ведь дура! Так и хочется сжать ее за тонкую шейку и придушить, чтобы не раздражала своими глупыми выводами.

– Заткнись, Самира! Для своего же блага молчи, потому что мое терпение не безграничное! – выдыхаю, сжимая кулаки.

– Ой– ей, напугал! – глумится она. – Простите великодушно, что уязвила ваше эго! Я больше так не буду, честно–честно! Только не жалуйтесь на меня мамочке!

У меня уже руки чешутся надрать ей уши. Невыносимая стерва! Такую только поркой воспитывать! Разворачиваюсь и покидаю спальню, пока не поддался искушению, потому что она мне никто и я не имею права даже пальцем ее касаться.

За какие только грехи Бог испытывает меня присутствием этой идиотки в моей жизни? Если она действительно сегодня уйдет, то это будет просто огромным подарком для меня. Не надо было вообще пускать ее в свой дом, все равно одни проблемы и беспокойства от этой самовлюбленной девки!

Ну а мама... Маму я уговорю поехать с нами в Москву. Теперь, когда она увидела внука, это будет гораздо легче. Самира слишком преувеличивает свою значимость в ее жизни.

– Об этом и речи быть не может! – отрезает мама, как только Самира объявляет о своем отъезде. – В чем дело, Мира? Это Мурад, да? Он что– то тебе сказал?

– Да она сама что угодно скажет любому в лицо, – бормочу я, но мама слышит.

– Что это значит? – грозно требует от меня ответа. – Вы ругались?

Совсем некстати мне, вдруг, становится смешно, потому что мама – метр с кепкой, стоит напротив меня, глядя снизу вверх, и у нее такое выражение лица, словно она меня сейчас придушит.

– Просто обменялись мнениями, – пожимаю плечами, гася неуместное веселье.

Ожидаю, что вот сейчас эта манипуляторша начнет плакаться маме и обвинять меня во всех грехах, но Самира удивляет.

– Мы не ругались, тетя, – вздыхает она. – Просто нас здесь слишком много в маленьком пространстве, а учитывая, что мы с твоим сыном всегда были на ножах, то напряжение игнорировать все сложнее. Я не могу так, понимаешь? Меня даже одно его присутствие нервирует, а уж стоит ему открыть рот...

– Он оскорбил тебя? – возмущается мама.

– Да, оскорбил, – кивает Самира. – А я оскорбила его в ответ. Мы вообще наговорили друг другу много лишнего сегодня и если останемся под одной крышей, то это будет повторяться каждый день, а я не хочу, чтобы ты плохо обо мне думала. К тому же, я не могу вечно жить у тебя. Мы ведь изначально договорились, что я съеду, когда встану на ноги. Так вот, у меня есть деньги на съем жилья и работа будет в течение пары дней.

– Я не позволю тебе уехать, – упрямо качает головой мама, вцепившись в ее руку. – Иди и разложи свои вещи обратно. Ты никуда не идешь.

– Тетя...

– Нет, я сказала! С Мурадом я разберусь. Иди и положи вещи.

– Мама... – пытаюсь я вмешаться, но она обрывает меня, повелительно подняв руку.

– Нет, Мурад. Я не хочу слушать ни слова против Самиры, ты понял?

– Да что она с тобой сделала? – не могу понять ее привязанности к этой девушке. – Приворожила, что ли?

– Замолчи! Ты уедешь через пару недель и если хочешь прожить их в моем доме, то будь добр уважительно относиться к его обитателям!

– То есть, ты уже и меня готова выгнать ради этой...

– Не смей продолжать! – снова прерывает она меня. – Ни

одного оскорбительного слова, Мурад! Я все сказала.

Как же меня это бесит! Почему мать так заступается за эту вертихвостку? Даже одного слова не дает сказать.

– Тетя, так будет лучше, – продолжает настаивать на уходе Самира.

– Нет, не будет, Мира. Ты одинокая молодая девушка. Ты не можешь жить одна! Тем более, когда я сама прошу тебя остаться. Или тебе плохо живется со мной? Может, это я тебя напрягаю? Надоело возиться со старой развалиной...

– Тетя, что ты такое говоришь! – кажется искренне возмущается девушка. – Это чушь и ты прекрасно знаешь, что мне было совсем не в тягость...

Она осекается, бросая на меня испуганный взгляд и я понимаю, что обе явно чего– то недоговаривают.

– О чем это она, мама? – задаю вопрос матери, которая отводит глаза в сторону. – Что такого здесь делала Самира, о чем я не знаю?

– Ничего, она просто помогает мне по дому, – явно говорит неправду мать.

– Мама!

– Не рычи на меня! Наши дела тебя не касаются. Будь это важным, ты бы знал. И вообще, у женщин есть свои дела, обсуждать которые с мужчинами просто неприлично, даже если этот мужчина мой сын. Не спрашивай меня больше об этом.

Черт побери! Знает ведь, как мне становится неловко от

ее разговоров о «женских делах» и специально сейчас это использует, чтобы я прекратил расспросы. Что же такое они от меня скрывают? Надо выяснить. Если я, не дай Бог, узнаю, что Самира что-то замышляет или как-то влияет на маму, то ей не жить!

– Вы что, ссоритесь? – спрашивает Луиза, которая до этого была в спальне с нашим сыном.

– Нет, просто небольшой спор, – отвечает мама. – Поел мой внучок?

– Он еще спит, – говорит Луиза, с любопытством разглядывая Самире. – Ты куда-то собираешься, Мира?

– Она уже передумала, – отвечает за нее мама, бросая на ту строгий взгляд. – Иди, переоденься. Будем готовить ужин.

На лице девушки появляется упрямое выражение и я жду, что она сейчас взбрыкнет и уйдет, но спустя пару секунд Самира глубоко вздыхает и, послушно кивнув, идет обратно в спальню мамы.

М– да, вот тебе и уход из дома. Мне не могло настолько повезти.

Глава 5

Полтора месяца спустя

– Теть, а теть?

– Что? – кисло смотрит на меня тетя Разия.

Признаю, я ее сегодня достала. Из– за праздников у меня три выходных подряд в большом строительном магазине, в который я устроилась в прошлом месяце, и я настолько устала за эти дни сидеть дома, что утомила ее уже своей гиперактивностью.

– Как ты думаешь, когда Мурад в следующий раз придет? – спрашиваю у нее.

Она переводит взгляд на мой телефон, на экране которого проигрывается новое видео с Амиром, который прислала Луиза, и с улыбкой качает головой.

– Я уж думала, ты по сыну моему соскучилась.

– Фу, сдался он мне! Я из– за пельмеша. Разве ты по нему не скучаешь?

– Конечно, скучаю, – подтверждает тетя. – Дети всегда вызывают такие чувства, пока маленькие. Хочется их зацеловать, затискать и видеть рядом как можно чаще. Вот только, когда он подрастет, начнет везде бегать и хулиганить, ты просто мечтать уже будешь, чтобы они поскорее уехали обратно к себе в Москву и не задерживались у нас надолго. Хотя нет, тебя здесь к тому времени уже не будет.

– Как не будет?! – пугаюсь я.

– А вот так, – лукаво говорит тетя. – Я все еще твердо намерена выдать тебя замуж. Пора уже, Мира, а то так и останешься дома. Вот что ты будешь делать, когда я умру? Одна останешься?

– Ты не скоро умрешь, а я к тому времени уже сама буду в возрасте, – фыркаю я. – Не нужно искать мне жениха. Моя судьба меня сама найдет. Знаешь, сколько парней ко мне ежедневно подкатывают? Это просто я не даю им шанса, потому что пока не готова к таким обязательствам.

– Глупая ты, Мира, – качает головой тетя. – Тебе свои дети нужны, а ты все чужих ждешь.

– Будут у меня и свои, чего ты волнуешься? Мне же не сорок лет!

Наш спор прерывает звонок телефона тети. Она берет трубку и почти сразу же меняется в лице.

– Как? – шокировано выдыхает тетя Разия. – Что произошло?

Из ее глаз текут слезы и она громко всхлипывает, закрывая рот рукой, пока я смотрю на нее, напуганная такой реакцией. Неужели, кто– то из ее родственников умер? Вроде двоюродная бабушка в последнее время плохо себя чувствовала.

– Боже мой, сынок... Крепись, мой мальчик! Я буду ждать вас. Приезжайте домой.

Она бросает трубку на диван и, уткнувшись лицом в ла-

дони, громко рыдает.

– Тетя, что случилось? – бросаюсь к ней, вне себя от тревоги. – Теть... Скажи, пожалуйста!

– Луиза... – сквозь всхлипы выдавливает из себя тетя Разия. – Она скончалась, Мира.

– Как скончалась? – не могу поверить в это. – Что случилось?

Тетя качает головой, размазывая слезы по лицу.

– Машина сбила. Насмерть. Умерла наша девочка...

Я стою в ступоре, не в силах в это поверить. Как такое вообще возможно? Я ведь еще утром с ней переписывалась! Она прислала видео с Амиром, сказала, что собирается в салон красоты. Нет! Как же так?

– Бедные мои мальчики! – рыдает тетя Разия. – Как же они без нее? Такая молодая... Несчастливая моя девочка!

Невозможно поверить...

Был человек и нету его. На глаза наворачиваются слезы и по мере того, как до меня полностью доходит осознание, их становится все больше и больше.

Луиза умерла.

Молодая девушка, которой и двадцати пяти нет, мать маленького мальчика, моя подруга. Как же так?

Мой брат умер, не дожив и до тридцати, так что я уже

сталкивался с такой несправедливостью, как ранняя смерть. Но он был тяжело болен почти всю свою недолгую жизнь. Хотя мы с мамой и надеялись на лучшее, отправляя его на операцию, мы были готовы к тому, что его жизнь может оборваться. Не сказать, что это был большой шок, хотя менее болезненным его смерть все равно от этого не стала.

То же, что случилось с моей женой, образовало в моей груди огромный клубок непонимания и гнева. Потому что я не был готов к смерти Луизы. Я даже не задумывался о подобном, потому что она была молода и здорова. А тут один несчастный случай – и ее жизнь оборвалась.

Не знаю, что ощущал бы, испытывай я к ней то чувство страстной любви, которое питал когда-то к Лейле – своей первой и единственной любимой. Если мне так плохо сейчас от того, что она умерла, то что было бы со мной, любил я ее так же сильно, как Лейлу когда-то? Я бы просто умер от этой боли?

Я уважал свою жену, заботился о ней, любил, как близкого и родного человека, и для совместной жизни этого было достаточно. Она была хорошей женой и матерью, она была женщиной, с которой я собирался прожить всю свою жизнь и которую я видел матерью своих детей. Ее потеря оставила меня опустошенным и растерянным.

Я не знаю, что мне делать дальше. Хотя, знаю. Нужно отвезти ее тело на родину, чтобы похоронить рядом с ее погибшими родителями, о чем она всегда мечтала. Говорила мне

об этом, когда в свой последний приезд мы поехали на кладбище, чтобы убрать траву и навести порядок на могилах. Я похороню ее рядом с ними и исполню это последнее желание, но что дальше?

У нас ведь сын. Как Амиру жить без своей матери? Как мне справляться с ним, когда я не умею даже переодевать его? А моя работа? Оставить сына на попечение няни – чужого человека с другим мировоззрением, религией и традициями?

О стольком еще предстоит подумать, столько всего решить. Спасибо моему другу Максуду, что пока он оставил Амира у себя, где за ним приглядывает его жена, но что дальше?

Не могу ни о чем думать. Тем более после того, как вынужден был сделать опознание и перед глазами так и стоит картина лица Луизы. Не такого, каким я его запомнил. Мертвого, с ссадинами и кровоподтеками на бледной коже.

Я хочу навсегда выжечь эту картину из своей памяти! Не хочу запоминать свою жену такой! Я ведь видел ее этим утром, еще живую, но почему– то не могу вспомнить никаких деталей! В памяти всплывает только холодный труп с закрытыми глазами. Что это за напасть? И никак не избавиться от жуткой картины!

По счастливой случайности, оказывается, что мать одного из моих подчиненных тоже должна лететь на родину и он

предлагает мне ее помощь в уходе за ребенком на время пути. Я не отказываюсь, потому что подумывал нанять человека для этой поездки, ведь действительно не умею обращаться с собственным ребенком. В качестве благодарности, оплачиваю ей билет на самолет, хоть она и возражает, говоря, что поможет просто так.

Амир плачет почти весь полет и ничто не может его успокоить, даже бутылочка со смесью, которую он выплевывает, хотя я точно знаю, что кроме грудного вскармливания, Луиза кормила его и смесью. Он не успокаивается ни на моих руках, ни на руках доброй женщины, которая всеми силами пытается его успокоить, и меня охватывает такое отчаяние, что просто хочется исчезнуть из этого мира.

В аэропорту встречают родственники Луизы. Моя жена осталась сиротой в раннем возрасте и ее воспитывали дядя с тетей вместе со своими тремя детьми. Сейчас меня встречает кузен и кузина Луизы, которая сразу же берет Амира, начиная плакать, приговаривая, какой он бедный малыш, что остался без мамы в таком возрасте. Я не хочу этого слышать. И видеть их горе тоже не хочу, потому что мое собственное меня убивает.

Решив заняться делом, сажаю сопровождавшую меня женщину на такси, а потом занимаюсь вопросом перевозки тела.

– Тебе нужна помощь, брат? – спрашивает кузен Луизы Ахмет.

– Спасибо, все уже улажено, – говорю ему. – Вечером сможем забрать тело, а завтра с утра похороним. Сейчас я хочу поехать домой.

– Конечно– конечно, я тебя отвезу, – предлагает он и я не отказываюсь.

Доехав до дома мамы, они не уезжают, а заходят внутрь, чтобы выразить и получить соболезнования. Мама держится, не плачет, но ее глаза красные и воспаленные, поэтому я знаю, что до моего приезда она выплакала все, что могла.

– Я возьму его, – говорит Самира, протягивая руки к плачущему Амиру.

Она тоже выглядит заплаканной и впервые при виде нее я не испытываю раздражение. Взяв Амира, она уходит в другую комнату, а родственники Луизы, поговорив с мамой пять минут, собираются домой.

– Спасибо вам, что зашли, – говорит мама, провожая их вместе со мной до ворот. – Завтра все увидимся, дай нам Бог терпения!

Стоит воротам закрыться за гостями, закрывая нас от окружающего мира, как мама крепко обнимает меня, словно маленького.

– Бедный мой сынок! – говорит она, едва держась, чтобы не заплакать, и я неловко похлопываю ее по плечу.

– Я в порядке, мама, – лгу ей, надеясь, что она поверит. – Все будет хорошо.

Мы стоим так какое– то время, прежде чем расцепить

объятия и войти в дом, где нас поджидает Самира.

– Малыш уснул, – говорит она с какой– то робостью. – Мурад, я хотела бы принести тебе свои соболезнования. Не выразить словами, как мне жаль и как будет не хватать Луизы! Она была мне верной подругой.

– Спасибо, – киваю ей. – Если не возражаете, я бы хотел отдохнуть. Вечером нужно будет забрать тело.

– Конечно, сынок, иди, – гладит меня по руке мама.

– Я уложила Амира у тети, так что он не будет тебе мешать, – уточняет Самира.

Я снова киваю ей и иду в свою спальню. На самом деле я не устал, но мне так не хочется сейчас находиться в обществе других людей, терпеть их жалость. Это слишком сложно, слишком болезненно. Всего просто слишком.

Глава 6

– Давай пельмешек, не капризничай, – уговариваю я малыша, который никак не хочет брать бутылочку.

Выплевывает соску изо рта, разбрызгивая смесь по лицу, и отворачивается, маленький негодник!

– Оставь, Мира. Значит, он не голоден, – говорит тетя.

– Но он ел три часа назад! Разве не пора снова проголодаться?

Я практически в отчаянии. За ту неделю, что прошла с момента похорон Луизы, Амир был на нашем с тетей попечении. В первые дни он плакал почти все время, когда бодрствовал, но постепенно привык к тому, что теперь питается только смесью из бутылочки. И вот, сегодня снова упрямится. Не знаю даже, что с ним делать.

– Плохой пельмеш! – отчитываю мелкого привереду, а он в ответ только улыбается беззубым ртом, испачканным в белой жидкости.

Быстро вытираю его влажной салфеткой и даю уже обычную соску – пустышку, которую тот с энтузиазмом сосет, глядя на меня большими карими глазками.

– Не смотри на меня так, месье Бархатные глазки! Вот похудеешь и можешь не надеяться, что я буду и дальше всем говорить, что ты самый хорошенький мальчик на свете. Ты

же мой пельмеш! Держи марку, малыш.

– Сумасшедшая девчонка, – качает головой тетя, впервые за эти дни улыбаясь мне. – Мурад еще не проснулся?

– Не знаю, он не выходил из спальни, – пожимаю плечами.

Тетя смотрит на часы, которые показывают одиннадцать утра, и тяжело вздыхает. Я понимаю, что она беспокоится за своего сына, но думаю, ему просто нужно немного пространства. Люди по-разному проживают свое горе.

Не понимаю только, как Мурад собирается справляться с Амирчиком, учитывая, что уезжает он уже послезавтра, а всю неделю за ребенком присматривали мы с тетей. Мне даже пришлось взять отпуск на работе, благо отпустили сразу, хоть и были недовольны этим фактом.

– Я не знаю, что он собирается делать с моим внуком, – говорит мне тетя. – Поговорю с ним сегодня об этом. Дети должны расти с родителями, но в нашем случае Амиру было бы лучше здесь, со мной. В этой Москве у нас ни одного родственника, а Мурад целый день на работе. Ребенок постоянно будет с няней, без надзора. Это никуда не годится.

– Разве ты справишься с ним? – обеспокоенно спрашиваю я.

Конечно, я не возражаю против того, чтобы пельмешек жил с нами, но я ведь тоже работаю, а у тети проблемы со здоровьем.

– Мы можем нанять няню здесь, чтобы была под моим надзором, – вслух размышляет она. – Но я, конечно, сначала

ла послушаю, что скажет Мурад и только потом предложу. Мой сын не из тех мужчин, кто женится снова, едва похоронив жену, а Амир – ребенок и ему нужна любовь и женская забота, которую отец дать не сможет. Если малыш останется тут, то у него будем мы с тобой, чтобы учить и воспитывать. С другой стороны, если Мурад останется в Москве совсем один, без семьи, то что будет с ним? Мне так жалко его, Мира, он сам не свой. Не знаю даже, как правильнее будет поступить.

– Пусть он сам решит, тетя, – говорю ей. – Все– таки, именно он родитель Амира и должен понимать, как для него будет лучше.

Я перевожу взгляд на заснувшего малыша и аккуратно глажу его по крошечной ножке в горчичном носочке. Быть родителем непросто. Я перелопатила весь интернет, чтобы понимать, как правильно ухаживать за младенцами. Как купать, чем можно мыть его бутылочки, как часто кормить и что делать, если он плачет. Тетя говорила, что в ее времена все было по– другому, поэтому подсказать она могла разве что возможные причины недовольства Амира, заключающиеся либо в коликах, либо в прорезывающихся зубках, хотя ему всего– то три месяца. Не знаю, сумеет ли, да и захочет ли узнавать и справляться со всем этим Мурад. Скорее всего действительно наймет няню с проживанием, если увезет его отсюда.

Вечером, пока я купаю пельмеша, тетя предлагает сыну

вместе выпить чай и поговорить. Я понимаю, что она заведет с ним тот самый разговор и мое присутствие при этом не нужно, поэтому, подавив любопытство, набираю в ванну воду и даю малышу от души насладиться, так как этот маленький мальчик на удивление сильно любит купаться.

– Ты мой идеальный, белоснежный, пухленький пельмешек! – приговариваю, пока вытираю его полотенцем в спальне тети, уложив на ее кровать и слегка щекоча кругленький животик. – Так бы и съела!

Пельмеш довольно улыбается, суча ножками.

– Кто у нас тут хороший мальчик, а? Ты искупался, нагулял аппетит и теперь съешь всю свою бутылочку, да? Ты ведь не разочаруешь свою любимую тетушку Миру, правда?

– Кх– х– х... – пускает пузыри месье Слюнтяй.

Я одеваю его в белый спальный комбинезон с голубыми и серыми котиками, а потом одеваю шапочку на круглую головку с редкими темными волосиками. Ну просто прелесть!

– Хоть сейчас в рекламу подгузников, тебя бы с руками оторвали, – делаю комплимент малышу, радуясь, что угадала с размером.

Мурад привез с собой совсем мало вещей, так что мы с тетей основательно закупились в детских магазинах всем необходимым для малыша. Включая мимимишную одежду.

– Давай, кушай и не капризничай, – даю ему заранее приготовленную бутылочку и на этот раз пельмеш меня радует, выдувая все до конца. – Ты ж моя умница!

Дав ребенку отпрыгнуть, несу его в гостиную и сажусь с ним на диван, чтобы посмотреть телевизор. Все равно других развлечений пока нет, да и тетя с Мурадом что-то долго разговаривают. Смотрю на малыша с грустью, думая о том, что сейчас решается его судьба, и думаю о том, как же я буду скучать по этому крохе, если его папа решит его увезти от нас.

Пельмеш засыпает у меня на руках, так что я отношу его обратно в спальню тети и кладу в люльку, которую мы принесли из комнаты Мурада. Он спит, как настоящий ангелочек, чуть приоткрыв круглый ротик и тихонько сопя. Я накрываю его легким одеяльцем и уже хочу выйти, когда замечаю стоящего на пороге Мурада.

– Он уснул? – вполголоса спрашивает он.

Киваю и прикладываю палец к губам, отчего мужчина смотрит на меня осознанным впервые за долгое время, взглядом. До этого он словно был весь в себе, отстраненный и равнодушный.

Мы выходим в гостиную, прикрыв за собой дверь, и Мурад снова заговаривает.

– Самира, спасибо за то, что позаботилась о моем сыне, – чуть ли не официально говорит он. – Мы с мамой поговорили и приняли решение оставить его здесь. Она займется подбором няни в ближайшие дни и тебе больше не придется ей помогать с Амиром.

– Мне это только в радость, – говорю оборонительно, потому что мне не нравится подтекст, который я слышу в его словах. Словно я сделала лично для него большое одолжение и он теперь из-за этого чувствует себя обязанным.

Я прекрасно знаю такой тип людей, как Мурад. Претенциозное благородство – вот как я называю их мышление и образ жизни. Он для всех хочет быть хорошим, никому не доставлять неудобств, а попросить о чем-то для него смерти подобно. Напыщенный придурок!

Это было еще одной причиной, почему я не хотела, чтобы моя кузина Лейла выходила за него. Она идеализировала его, потому что именно такое впечатление он и производил. А учитывая, что она по природе своей слишком уступчива и бескорыстна, Мурад бы просто командовал ею всю жизнь. Не открыто, может даже не намеренно, но своим примером он заставлял бы ее пытаться всегда соответствовать, быть лучше. А так как она уже возвела его на пьедестал, то ничто не заставило бы этот идеал рухнуть. Конечно, слишком властный Тимур тоже не лучшая пара для нее, но с ним она хотя бы научилась показывать зубки.

– Тем не менее, скоро ты снова будешь свободна делать все, что пожелаешь, – добавляет Мурад, держа руки в карманах брюк и глядя мне прямо в глаза, словно пытается понять, о чем я думаю. – Слышал, на работе дела у тебя идут хорошо.

– Хочешь завести светскую беседу? – насмешливо при-

поднимаю бровь, отчего— то нервничая из— за его изучающего взгляда, словно он и правда может услышать мои мысли.

— Нет. Хочу сказать, что мое мнение о тебе стало лучше.

— Ну, спасибо большое! И что бы я делала без твоего одобрения? Целыми днями сидела и ждала, когда же до нашего господина Хайдарова дойдет, что я не так уж плоха, как он думает. Теперь смогу хоть спать спокойно.

— Не ерничай, тебе не идет, — жестко отрезает мужчина. — Вижу, что разговаривать с тобой, как со взрослым человеком бесполезно, поэтому больше не буду пытаться. В любом случае, спасибо за оказанную помощь.

— Не за что, — с трудом заставляю себя сохранять нейтралитет, потому что не хочу подтверждать его мнение о том, что я незрелая.

Тоже мне, взрослый человек! Он не взрослый, а занудный! Вот только как ему не объясняй, до такого не дойдет.

Мурад кивает и направляется к себе, но потом останавливается и снова оборачивается. Блин, ну что еще ему надо? Я бы обошлась без его благодарностей и нравоучений. Все равно ничего другого он не скажет.

— Могу я попросить тебя об одолжении? — едва выдавливает он из себя после длинной паузы, наверняка находясь в ужасе, что просит о чем— то **меня**.

— Смотря каком, — откровенно наслаждаюсь его неловкостью.

— Мама предпочитает умалчивать и сама справляться со

своими проблемами. А я знаю, что периодически ее здоровье дает о себе знать. Ты можешь мне сообщить, если она будет хуже себя чувствовать или ей понадобится медицинская помощь?

– Могу, – отвечаю серьезно, потому что насчет тети он прав.

– Я могу тебе платить...

– Не надо! – обрываю это оскорбительное предложение, прежде чем оно прозвучит. – Просто иди уже, Мурад. Я не нуждаюсь в твоих деньгах, тем более за заботу о человеке, которого люблю и уважаю.

К счастью для себя, он уходит. Потому что еще несколько слов и я точно снова вышла бы из себя, высказав все, что думаю о нем, и не выбирая при этом выражений.

До чего же бесячий человек! Хорошо, что он уезжает, потому что пока он в этом доме – для меня тут не будет места, ведь мы никогда не сможем ужиться рядом друг с другом.

Я иду за постельным бельем в спальню тети, потому что она предпочитает ложиться пораньше, и останавливаюсь у кровати пельмешка. До чего же сладко он спит! Хоть одна польза от этого Мурада, что он создал такого прекрасного человечка. На этом все. Хорошо, что малыш остается с нами. Родителей ему, конечно, никто не заменит, но любящая бабушка намного лучше позаботится о нем, чем отец, которому по большому счету на все наплевать. Ну просто человек-робот какой-то!

Глава 7

3 месяца спустя

– Рад, что едешь домой? – спрашивает меня Максуд, пока сидим в ожидании обеда.

Максуд не только работает со мной, он еще и является моим лучшим другом, так что обсуждение личных вопросов для нас не ново.

– Конечно, – отвечаю ему, не показывая своего энтузиазма, потому что не в моих правилах показывать эмоции при людях, даже если это мои друзья или семья.

На самом деле, мне хочется глупо улыбаться каждый раз, когда я думаю о том, что скоро увижу сына. Мама каждый день присылает мне фото и видео, но это совсем не то. Я безумно скучаю по этому маленькому человечку и жалею о своем решении оставить его с ней, но потом напоминаю себе, что для Амира так лучше. Я появляюсь дома только по вечерам, какой ему толк от такого папаши?

– Не надумал еще привезти Амира? Зарина по нему скучает, – добавляет Максуд, имея в виду свою жену, которая дружила с Луизой.

– Я бы хотел, но не могу, – пожимаю плечами. – Мама не хочет сюда переезжать, а с ней ему лучше, чем здесь с няней.

Неизвестно еще, как она будет с ним обращаться, учитывая, что я весь день на работе.

– И то правда, – вздыхает Максуд. – В любом случае, тебе надо что– то придумать. Если ты будешь так часто брать отпуск, руководству это не понравится.

Я ничего не отвечаю на это. Кроме Максуда никто не знает, что не я реальный владелец компании. Да и он узнал далеко не сразу, только после того, как доказал на что способен. Компания занимается инвестициями, вот только клиентура у нас не простая. Ничего незаконного, конечно, но те, кто затеял все это, не хотят светиться, так что я успешно играю роль главного акционера. В мою работу редко вмешиваются, но слишком частые отлучки, тем более на родину, рассматриваются с подозрением, потому что все начиналось оттуда, но эти связи мы пресекли еще пару лет назад.

Я понимаю риски, но не могу иначе. Мне с трудом удалось смириться со смертью Луизы, с тем, что я снова одинок, а ведь именно стремясь заполнить свою жизнь чужим присутствием я принял когда– то решение жениться, хоть и не любил ее. Теперь я снова оказался в том же положении, но что ужаснее всего – так это разлука с сыном, которым я хоть и не занимался полноценно, но которого привык видеть каждый день и любил больше, чем считал себя способным любить кого– то, кроме матери.

Разлука давит на меня с каждым днем все больше. Хоть мама и не хочет сюда переезжать, я надеюсь уговорить ее хо-

тя бы приезжать гостить на пару недель. Она даже няню может взять с собой, чтобы Амир не вынужден был привыкать здесь к новому человеку. Надо как-то решать эту ситуацию, потому что летать на родину каждые два-три месяца для меня не вариант.

– Самира, ты уже приняла решение? – спрашивает меня отец.

Это наша первая встреча с момента моего ухода из дома и я с жадностью рассматриваю его, отмечая, что седина еще больше украсила его темные волосы и бороду, а морщинки вокруг глаз стали глубже. В груди зреет привычная обида на его бесстрастность. Он не то, что не пытается меня обнять, даже разговаривает, как с одним из своих подчиненных. И на что я надеялась, соглашаясь на эту встречу?

– Я же говорила тебе, папа, – говорю мягче, чем собиралась. Нельзя давать слабину, иначе он насыдет, почуввав мою слабость. – Я не хочу возвращаться домой. Я уже самостоятельная женщина и не нуждаюсь в том, чтобы меня брал на содержание отец.

– Не говори ерунду! – отмахивается он. – Пока ты не вышла замуж – ты на моей ответственности.

– Именно поэтому я и ушла из дома! Я не хочу замуж, и тем более за того, кого выбрал мне ты!

Голос невольно срывается на высокие ноты и я испуганно оглядываюсь, надеясь, что тетя нас не слышит. Пришлось

пригласить папу к нам домой, потому что он настаивал на конфиденциальном разговоре, а ехать к нему я не хотела. Как только его машина припарковалась у наших ворот, я встретила его и завела внутрь, коротко познакомив с тетей. Та вежливо поздоровалась и ушла в спальню к Амиру, оставив нас наедине в гостиной.

– Я не буду тебя больше никому сватать, только вернись домой, – говорит он мне. – Это неприлично, дочка. Ты должна жить в моем доме, а не у чужих людей.

– Тетя Разия – приличная женщина и я никак не могу тебя опозорить, живя в ее доме, – не соглашаюсь я. – И, если хочешь знать, мне здесь намного лучше живется, чем когда-либо у нас дома. Моя дорогая мачеха очень постаралась, чтобы выжить меня, так что же вы теперь зовете обратно?

Отец устало вздыхает, как и каждый раз, когда речь заходит о его жене. Он женился на Азизе, когда мне было одиннадцать лет. Мама не смогла вынести того, что он взял вторую жену, и, всеми правдами и неправдами добилась развода для себя, хоть папа и пытался удержать ее. В наказание, он запретил ей видеть меня – своего единственного ребенка, и через несколько лет мама переехала во Францию, хотя мы тайно поддерживали связь по телефону. Азизу же я ненавидела всегда, на что она отвечала мне взаимностью. Эта стерва дожидаться не могла, когда же я уйду из их дома, выйдя замуж, и, именно она подговорила папу выдать меня за того старика, когда я вернулась из Франции, куда сбежала к маме.

– Азиза ничего тебе не скажет, это мой дом, – отрезает папа на мой справедливый упрек. – Пойми, Мира, ты уже не ребенок. Перестань позорить меня, ради Бога! Я же публичный человек, если кто–нибудь узнает о том, что ты живешь с чужими людьми, то слухов не оберешься.

– Это все, что тебя волнует, не так ли? – глотая слезы, спрашиваю я. – Твоя репутация, твоя политическая карьера. Ты поэтому решил меня милосердно простить и принять обратно? Удалось, наконец, замять ситуацию с несостоявшимся браком?

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, дочь, – смягчившись, говорит папа.

Знаю. Он любит меня даже больше сыновей, которых родила ему Азиза, потому что я ребенок от его любимой женщины, хоть потом он ее и предал. И раньше его обещания и ласковые слова всегда срабатывали, потому что я отчаянно нуждалась в его внимании. Но не в этот раз.

– Знаю, – шепчу, вытирая бегущие по щекам слезы. – Но себя ты любишь больше, так что едва ли тебя можно считать хорошим отцом.

– Неблагодарная, как ты смеешь?! – багровеет папа. – Что ты знаешь о любви, Самира? Ты просто безответственная эгоистичная девчонка, которая делает только то, что хочет, наплевав на других!

– Значит, я вся в тебя, радуйся! – не могу сдержать колкий ответ, за что получаю пощечину.

Щека горит и я прижимаю к ней ладонь, не веря, что он сделал это. В последний раз, когда папа ударил меня, он обещал, что никогда больше так не сделает. И я поверила, потому что обещания он держал всегда. Видимо, в отношении меня это изменилось.

– Мира... – тут же с раскаянием говорит он, но я качаю головой, в очередной раз испытывая разочарование в этом человеке, хотя он и так уже сделал все, что мог.

– Я не вернусь, папа. До того, как я успела пожить с мамой, а потом с тетей Разией, я бы с радостью вернулась, потому что не знала ничего лучшего. Но теперь, жизнь в твоём доме кажется мне тюремным заключением.

– Дом твоей семьи для тебя тюрьма? Посмотри вокруг, Мира! Ты привыкла жить в роскоши, я растил тебя, как принцессу, и ты мне сейчас говоришь, что счастлива в этой халупе?

– Это нормальный дом со всеми условиями, – оскорбляюсь я за жилище тети. – И что самое важное – меня в нём любят и уважают. Я не хочу никуда отсюда переезжать и ты меня не заставишь!

– Заставлю! – снова злится папа. – Посмотрим, как эти люди согласятся и дальше оставлять тебя в своём доме, когда я начну доставлять им проблемы. Тебе скоро укажут на дверь и тогда ты вернешься домой, как миленькая, Мира. Не заставляй меня идти на крайние меры, если так дорожишь своей тетей Разией, – с сарказмом добавляет он.

– Делай, что хочешь, – пожимаю плечами, пряча свой страх. – Только знай, что если ты заставишь меня вернуться, то я сделаю целью своей жизни позорить тебя на каждом шагу. Если ты не беспокоишься о моем счастье, то почему меня должно волновать твое?

– Когда ты уже повзрослеешь, Мира?.. Даю тебе неделю. Не выйдешь на связь сама – я начну действовать. Не зли меня еще больше, дочь.

Папа уходит, не добившись от меня того, чего хотел, но я понимаю, что все только начинается. И боюсь, даже Мурад не сможет мне помочь, даже если захочет. У него есть деньги, но у моего отца связи и влияние, расширяющиеся с каждым годом. И едва ли кто– то способен выстоять перед ним, тем более обычный бизнесмен из Москвы.

После ухода папы тетя находит меня всю в слезах. Я рассказываю ей обо всем и она еще долго утешает меня, пока поток слез не останавливается.

– У меня нет выбора, я должна вернуться домой, – с тяжелым вздохом констатирую я, потому что не хочу втягивать их в неприятности с моим отцом.

– Тебе нужно замуж, – заводит очередную шарманку тетя. – Если вернешься домой, то отец выбора не даст. Выдаст, за кого захочет. Как в прошлый раз. Прошу тебя, Мира, присмотришься к парням, которых я нашла! Вот взять хотя бы Рустама! Двадцать семь лет, красивый, работающий. И семья у

него хорошая, мама добрая, брат помогает. А если не хочешь жить с семьей мужа, то есть ведь и Хасбулат. У него своя квартира, хороший доход. Да, он вдовец, но ведь детей у него нет, и всего тридцать три года парню. Будешь за ним, как за каменной стеной!

– Нет, тетя, я не хочу замуж ни за кого из них, – говорю бескомпромиссно, а у самой в голове зреет просто невероятный план.

Я ведь не хочу замуж фактически, но что насчет фиктивного брака? И есть только один мужчина, который точно не захочет меня, а значит, я буду с ним в безопасности!

Слова тети о вдовце натолкнули меня на мысль о Мураде. Он ведь только три месяца назад потерял жену, наверняка не планирует в ближайшее время жениться, так что для него не должен вызвать сложность фиктивный брак на год. Мы просто поможем друг другу! Надо только правильно донести до него свою мысль и уговорить согласиться. Тогда я смогу оставаться в доме тети, как ее невестка, и папа ничего не сможет сделать!

– Тетя... – начинаю нерешительно, потому что неудобно обсуждать с ней такие вопросы. – Я тут подумала о фиктивном браке, чтобы не пришлось жить с мужем...

– Да кто на такое согласится, что за глупость?! – прерывает меня тетя Разия, всплескивая руками.

– Тот, кому не нужна настоящая жена?

Она открывает рот, но ничего не говорит, потому что на

ее лице постепенно проступает понимание.

– Ты про Мурада? – прямо спрашивает тетя.

– Если он согласится, я смогу остаться с тобой и с Амиром здесь! – взволнованно тараторю я. – И, брак не продлится долго, мы разведемся, как только Мурад решит жениться снова! По– настоящему.

– Это просто бредовый план, Мира, – качает головой тетя. – Почему ты не хочешь просто выйти замуж за хорошего человека по– настоящему? Провернув этот финт с Мурадом, ты потом будешь в статусе разведенки. Непросто будет найти себе мужа по душе в таком случае, ты ведь знаешь, как наши относятся к разведенным.

– В том– то и дело, что я не хочу замуж, тетя! Можешь считать меня глупой, но брак по расчету не для меня. Я выйду только тогда, когда полюблю кого–нибудь. Или не выйду вообще!

– Ты действительно глупая, Мира, – вздыхает тетя. – Но я не твой отец и заставлять тебя не могу. Можешь поговорить с Мурадом, раз так хочешь. Если он согласится, то сыграем свадьбу по– тихому, все–таки, Луиза совсем недавно умерла и это неприлично. Однако, я бы на многое не рассчитывала. У моего сына сложный характер и скорее всего он даже слушать тебя не захочет.

Таким образом, тетя дает понять, что вмешиваться и просить его сама, она не планирует. Это немного задевает меня, но я понимаю. Мой план реально бредовый и скорее всего

беспольный. Но я буду жалеть, если хотя бы не попробую. Перед тем, как вернуться в дом отца, я должна использовать любую возможность избежать этого. Как хорошо, что Мурад приезжает домой уже на днях! У меня в рукаве есть маленький, сладенький козырь – пельмешек, который я смогу использовать против него, и, надеюсь, он не сможет мне отказать.

Глава 8

Когда я приезжаю из аэропорта домой, меня встречает только мама. Самиры нет. И если честно, это радует, потому что при ней я не могу спокойно разговаривать обо всем, а нам с мамой есть о чем поговорить.

– Амир спит, но он скоро проснется, – говорит мне мама, усаживая за стол. – Поешь пока. Исхудал– то как!

– Тебе кажется, – усмехаюсь я, целуя ее руку. – Все в порядке, мам. Я нормально питаюсь, об этом тебе точно не стоит переживать.

Она накладывает мне полную тарелку голубцов и я с аппетитом набрасываюсь на них, спеша поскорее закончить и увидеться с сыном. Пусть он и спит, но я все равно зайду к нему, хоть посмотрю. Мама рассказывает последние новости от родни и знакомых, пока я ем.

– Кстати, раз уж ты приехал, я должна кое– что рассказать, – вдруг, неуверенно мнется мама.

Я сразу жестораживаюсь.

– Неужели твоя бедовая что– то натворила?

– Нет, Мира просто умница, – отрицает мама, но тогда с чего бы ей так нервничать? Она обычно смело высказывает мне все, если только дело не касается этой наглой девицы. – Мы нашли няню и она вела себя идеально. Амирчика с рук

не спускала, он не любит лежать без дела, знаешь ли, но через неделю, когда я вернулась из магазина, я случайно увидела, как она его шлепает.

– Что?! – в моей груди закипает ярость при мысли о том, что кто– то поднял руку на моего сына. Он же совсем малыш еще!

– Я ее сразу же выгнала! – быстро добавляет мама. – Едва саму не ударила, но вовремя взяла себя в руки, хотя Мира, когда узнала об этом, грозилась оттащить ее за волосы.

Впервые я в чем– то согласен с Самирой. Это надо же додуматься бить трехмесячного ребенка! Что это за женщина такая?!

– Я потом тщательно осмотрела малыша, на нем ни единого синяка не было, к счастью. Но нанять новую няню больше не смогла. Решила сама заняться Амирчиком, потому что даже если такая милая с виду женщина оказалась настолько жестокой и халатной, то кому вообще можно доверять?

– Мама, почему ты сразу мне все не рассказала? – сержусь я. – Зачем нужно было ждать, пока я приеду?

– Да потому, что ты не любишь Миру и был бы против! – на одном дыхании выпаливает она.

– Да причем здесь она– то?

– Притом. Я два дня едва выдержала, Мурад. Ну нет у меня сил ухаживать за таким маленьким ребенком! Я его на руках едва удерживаю. На третий день суставы так болели, что я встать не могла. Мира осталась дома, а к вечеру я по-

няла, что если она согласится, то можно ведь эту зарплату няни платить ей, а она сама уволится с работы и будет сидеть с Амиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.